

Советский Кустодиев
11. X. 60.

МУЗЫКА

ПО-ЧЕЛОВЕЧЕСКИ ПРОСТО

ОБ ОПЕРЕ Т. Хреникова «В бурю» писалось много. За двадцать лет ее существования критика высказала самые разноречивые суждения. Ее хвалили и бранили, ставили во главе нового оперного направления и принципиально отвергали. Не избежала она и традиционного «определения жанра», так любимого точной наукой музыковедения, и в результате стала предметом для похвал и нападок как «опера песенных форм», в этом смысле полярно противоположная декламационной опере беседы.

Думается, что и в самом определении, в прикреплении жанрового ярлыка, и в методе такого непримиримого сопоставления сказались некоторая узость нашей критики. Принимая одно, мы подчас обязательно отвергаем все другое, не тождественное первому. И спор о путях советской оперы иной раз выливается в рассуждения о каком-то одном, единственно возможном и правильном пути. Отсюда — резкие, взаимоисключающие противопоставления (именно противопоставления, а не сравнения и параллели) творческих почерков наших крупнейших композиторов — современников, которые иной раз сводятся не столько к выявлению индивидуальности каждого мастера, сколько к рассуждениям на тему «хорошо» у композитора «А» и «плохо» у композитора «Б». В пылу такой оперной полемики нередко теряется существо вопроса и передается забвению та истина, что искусству социалистического реализма свойственно многообразие творческих индивидуальностей и манер, что при всем своем единстве оно бесконечно разнообразно в конкретных преломлениях.

И как же парадоксально, но в данном случае можно только радоваться, что критика не имела решающего влияния на практический исход дела. Шли споры, но одновременно шли и оперы на сценах. И сейчас, по истечении двадцати лет, оказывается, например, что и «песенная» «В бурю» и «декламационная» «Семей Котко» выдержали испытание временем.

Опера «В бурю» — явление очень своеобразное в современной музыке. Принято говорить о «лиризме» и «песенности» как основных ее чертах. Нисколько не отрицая этих заметных качеств, все же хочется сказать, что они — не причина характерных особенностей почерка Т. Хреникова, а скорее следствие, следствие своего, особенного «слышания жизни» композитором, которое очень тонко подметил академик Асафьев, назвав его «прямодушным чувством».

В «искусственной» музыке нашего времени, располагающей огромным арсеналом выразительных средств, еще с начала века распространялся специфический метод, основанный на «противоречивости» письма, на специальном противоречии содержания, внутренней сущности, истинного смысла музыкальных образов форме их выражения, жанру, комплексу технических приемов.

ГЛАВНАЯ, определяющая особенность оперы «В бурю» заключается в отсутствии этого распространенного приема «масок». Ее музыка — редкость непосредственна, без нарочито «скрытых» мыслей, без плакатных преувеличений и «доказательства от противного». Это тем примечательнее, что Т. Хреников — композитор, очень хорошо знающий и чувствующий театр, сцену. И вот это условно-сценическое он трактует и воспроизводит без какой бы то ни было условности и «театральности» хотурнов, без расчета на неожиданный эффект, а предельно просто, так, как это бывает,

По поводу постановки оперы Т. Хреникова «В бурю» в Новосибирском театре оперы и балета

Основное в этой опере — не сюжет, не история разгрома автоновщины, а люди того времени, живые человеческие характеры, данные в действии, в столкновениях и поэтому удивительно правдивые со всеми своими противоречиями и ошибками. Это «прямодушие» помогло композитору избежать графической оперной схемы «злодеев» и «героев», помогло найти верное, по-человечески простое музыкальное решение сложной историко-революционной темы. Благодаря этой глубокой человечности верши и Фролу, и Наташе, и Ленке. Ею достигнута полная естественность и убедительность в сцене с В. И. Лениным (в превосходном исполнении артиста Театра им. К. С. Станиславского и Вл. И. Немировича-Данченко И. Петрова) — в сцене необычной для оперы и в принципе грозящей упрощенством и «выпадением из жанра».

Этим же убеждают и отрицательные персонажи. В свое время было высказано мнение, что Сторожев, Антонов и Косова выглядят в опере Т. Хреникова слишком «благородно». Не «благородно», а опять-таки просто, жизненно, без условной «отаратительности». И можно только приветствовать, что исполнители этих ролей в Новосибирском театре (Н. Пугач, В. Сорочинский, П. Ульянова) следуют музыке и обходятся без оперного «злодейства» и мрачного театрального гротеска. Ужасы автоновщины даны в либретто, и в действии, а то, что композитор не поддался соблазну выразить их в шаржированной или экспрессионистской форме, — его право художника, точнее, заслуга. Вместо традиционной для аналогичных ситуаций в опере XX века гнетущей, либо саркастической музыки в третьем действии звучат прекрасные хоры, перекликающиеся с крестьянской протяжной песней, и с городскими романсами, и со старинными песнями каторжан. А хоры — едва ли не лучшее в опере. Появляясь в самых разных ситуациях, они воспринимаются не столько с сюжетной стороны, сколько с обобщенно-смысловой, буквально, как поющая «душа народа». И, кстати, уровень исполнения в хорах новосибирского спектакля намного выше, чем в некоторых сольных партиях (хормейстер А. Лагерквист).

ОБЫЧНО говорят об оперном лиризме. Этот неопределенный термин чаще всего подразумевает токовую и минорную музыку. Не хотелось бы упрощать его в отношении оперы Т. Хреникова, потому что в ней есть и лиризм, и трагичность, и хитроватая русская усмешка, и революционный пафос, и многое другое. А в широком смысле она лирична в той же степени, что и любое сочинение, серьезно и глубоко сочувственно говорящее о самом человеческом. Такой лиризм разлит в ней повсюду, не исключая ни главного образа Фрола (логичен и убедителен в этой партии В. Кирсанов), ни трагических сцен (как в четвертом действии), ни молодцевато-плясовых, добродушно-шутливых эпизодов (как песня Ленки из финала). И, наверное, поэтому музыка Аксиньи, Наташи и Ленки не просто убеждает, а действительно идет из глубины души и сердца. Потому-то и органичным оказывается здесь пение без слов, то как кульминация беспредельного счастья,

когда слова не нужны (в дуэте Наташи и Леники из первой картины), то как трагически-скорбный «подтекст» (в трио на второй картины, в хоре без слов в начале четвертой). Это замечательная находка, и условная, и жизненно правдивая, драматичная и настоящему оперная. Кстати, очень хороши в спектакле женские персонажи. Наташе и Аксинье (Н. Авдошина и Л. Мясникова) не верить невозможно, да и поют они с подлинной свободой. Ленке же (С. Вях) иной раз не хватает простоты и человечности (особенно в четвертой картине). Кажется, что сцена чем-то сковывает артиста и вынуждает его держаться трафаретно-оперно. Не везде убедителен Лыстрат (Н. Ушаков). Некоторая скованность пения не позволяет артисту достичь необходимого в кульминационных моментах этой партии героического пафоса.

С самого начала оперу «В бурю» называли «песенной». Очевидно, здесь нужно говорить о том неповторимом интонационном складе, который сам по себе ассоциируется именно и только с народной песней, но не с «арией» и не с какой-либо из других привычных профессиональных форм. Опера «В бурю» — песенна, поскольку ей свойствен отбор тех интонаций, которые давно живут в народе, я, став после длительной шифровки типично русскими, характерно национальными, вливаются сейчас в круг современных мелодий. А оформлены ли они в куплет (как в форму простого, ясного народного мышления), в оперную трагичность или растворены в речитативе, это не имеет значения. Они сквозят всюду, создавая неподдельный русско-песенный характер партитуры и заметно «эквилибрируя» оперу.

Кстати, о речитативе. Речитатив русской историко-лирической оперы (а к таким принадлежит и «В бурю») — не декламация, но и не ария. Это полнотонное пение. Лишь иногда совмещающееся с ритмизацией человеческой речи. Речитативы эти можно выпевать чуть тяжеломерно (как это требуется, но почти никогда не делается), можно остро акцентировать и приближать к декламации, но нельзя их исполнять с неясным ритмом и плохой дикцией. От этого терпят и музыка, и исполнение.

В новосибирском спектакле есть и просчеты, есть и несомненные достоинства. Последние намного больше. Исполнение в целом профессионально (дирижер А. Жолениц), режиссура убедительна (режиссер Л. Михайлов), очень удачно художественное оформление (художники И. Севастьянов и Н. Котов). Но, главное, что трогает и радует в спектакле, — созвучность духу музыки Т. Хреникова, искреннее «прямодушие», подлинная человечность, глубина национального характера и жизненная убедительность персонажей, людей, ищущих и ошибающихся, но неустанно верящих в правду и счастье.

Т. БОГАНОВА.